

ДИНАМИКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ АГРЕССИИ

В статье рассматриваются проблемы агрессивной направленности индивидуального и общественного сознания. Формирование нового человека, культуры, общества – мира в целом сопровождается сменой типов отношений между человеком и человеком, человеком и обществом, агрессия как один из деструктивных типов таких отношений принимает сегодня универсальные масштабы. В качестве фактора становления и фиксированности агрессивных тенденций в индивидуальном и общественном сознании рассматривается феноменология агрессии в современном социокультурном контексте. Именно осмысление феноменологии агрессии и позволит найти пути ее нивелирования как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Ключевые слова: агрессивность сознания, деструктивность отношений, осмысление феноменологии агрессии.

Проблему агрессивной направленности принято рассматривать на индивидуальном уровне. Подобная методологическая установка базируется на идее о том, что всегда в обществе существует определенный тип людей, которым подобная направленность свойственна в силу специфики их социализации, «порочности», рассматривалась даже возможность генетической предопределенности (Ч. Ламброзо), в связи с чем их необходимо изолировать от общества. Таким образом, исторически прослеживалась тенденция противопоставления двух типов людей: агрессивных, авторитарных и нормальных, «порядочных», следующих социальным нормам, – которые Э. Фромм определил как «волки» – «овцы». Данная ситуация не позволяла рассматривать проблему агрессии – авторитаризма на общественном уровне. Ее анализ проходил в рамках специализированных наук: психиатрии, криминологии, криминальной социологии, юридической психологии, что вырывало ее из социокультурного контекста. На наш взгляд, заявленная проблема более сложна, выходит за рамки парадигмы индивидуализма и раскрывается в следующих аспектах.

Во-первых, необходимо учитывать неразделимую связь между «авторитаризмом» и «агрессией», поскольку авторитаризм как гипертрофированная форма использования власти всегда предполагает агрессивную позицию и методы для ее удержания и реализации, агрессия также содержит в себе потенциал авторитаризма, ибо агрессор выступает как субъект, а тот (или те), на кого направлена агрессия, – как объект, причинение боли (физической или моральной) сопровождается ощущением превосходства агрессора над «пострадавшими».

Во-вторых, сам термин «агрессия» содержит несколько смыслов. Э. Фромм внес определенную ясность, выделив «доброкачественную» и «злокачественную агрессию», понимая под первой агрессию, оправданную с этической и культурной точки зрения (оборона себя, семьи, родины, наказание преступников), а под второй – деструктивное стремление человека подчинять окружающих, причинять боль ради собственного удовлетворения, наслаждаться их страхом и болью [4]. Хотя признаем такое разделение весьма условным, тем более если учитывать традиции этики ненасилия как в восточной (буддизм, кришнаизм), европейской (А. Швейцер и др.), так и в отечественной культуре (Л. Толстой, И. Ильин и др.). Мы будем рассматривать второй тип – «злокачественную агрессию», наиболее угрожающую и разрушающую человека и общества.

В-третьих, «агрессивность» часто рассматривают как физическое причинение боли, его смысловая нагрузка коррелирует с понятиями «преступность» и «криминал», при этом забывают о таких ее типах, как «вербальная агрессия», «скрытая агрессия», то есть злорадство, неказание помощи, аутоагрессия, направленная агрессором на самого себя, выражающаяся в членовредительстве и суицидах.

В-четвертых, агрессивные тенденции зафиксированы в культуре и общественном сознании, реализуются в стилях управления обществом и различными группами и в определенной степени имманентны самой природе социальности, что позволяет многозначность их оценки. Кроме того, исторический опыт человечества содержит массу свидетельств о существовании цивилизаций и исторических типов общества, где потенциал аг-

рессивности и авторитаризма был более значительным, чем в современном обществе (цивилизации Южной Америки, страны средневековой Европы), что дополняет аргументационную базу сторонников линейного, прогрессивного (позитивного) подхода к истории, по мнению которых развитие техники и науки освободит человека и позволит ему заниматься самосовершенствованием и построить гармоничное общество. Мы полагаем, что нужно анализировать проблему агрессивных тенденций индивидуального и общественного сознания не количественно, а качественно, то есть нельзя, например, противопоставлять статистику человеческих жертвоприношений в империи инков или жертв инквизиции статистике убийств в современном мире. Необходимо исследовать качественную сторону проблемы, то есть то, что лежит в основе агрессивных тенденций индивидуального и общественного сознания, чем они мотивированы, обусловлены и в каких условиях актуализируются.

Мы убеждены, что на более ранних стадиях человеческой истории природа агрессивности и авторитаризма была более объективна, в том смысле, что роль человека как субъекта-агрессора была не столь велика, ибо объективные факторы: обычаи, культурные нормы (вспомним обряды инициации), религиозные системы – утверждали ценность «агрессии», освящали ее сакральными смыслами, а неподчинение религиозным нормам было недопустимо: «Религия есть признание человеком некоей высшей невидимой силы, управляющей его судьбой и требующей послушания, почитания и поклонения. Акцент здесь делается на том, что человеком управляет стоящая вонне высшая сила. Но авторитарной ее делает и та идея, что эта сила, господствуя, уполномочена требовать «послушания, почитания и поклонения». Существенным элементом авторитарной религии и авторитарного религиозного опыта является полная капитуляция перед силой, находящейся за пределами человека. Главная добродетель этого типа религии – послушание, худший – непослушание» [5].

В конце XIX века результатом секуляризации культуры и общественного сознания явилась «свобода» и вера в интеллект в смысле больших возможностей выбора перед человеком, а следовательно, «удельный вес субъективизма» многократно вырос. К. Юнг весьма точно отметил:

¹Jung C.G. Psychologie und Religion. Munchen, 2001. S. 224.

«Преисподняя сегодня за разумом и интеллектом, это значит, что рационалистическая идеология, как упрямая вера, с огнем и мечом соревнуется с самыми темными аспектами души»¹. Соответственно исторические параллели и при решении данного вопроса недопустимы.

В-пятых, многочисленные исследования агрессивности сводятся к анализу личности и контекста ее социализации. При этом упускается широкий социокультурный пласт, являющийся потенциальной базой агрессивности и авторитаризма. Мы полагаем, что авторитарно-агрессивный потенциал содержится и в общественном сознании как выражении социальности. Данный потенциал формируется за счет числа индивидуальных и групповых (массовых) носителей агрессивных тенденций, что, в свою очередь, укореняет их в культуре и обществе. Именно поэтому мы рассматриваем агрессивные тенденции на индивидуальном и общественном уровнях сознания.

Мы полагаем, что в XX веке произошли качественные сдвиги в самой природе агрессии, что и явилось основанием для их масштабной демонстрации во всем мире, поэтому прежде всего рассмотрим феноменологию агрессии. Феноменология агрессии напрямую связана с мировой историей XX века, их проявления были настолько масштабны, что охватывают все сферы социальности, тем не менее особое внимание, на наш взгляд, следует уделить политэкономическому, социокультурному и социально-антропологическому аспектам.

Многие ученые связывают рост авторитарно-агрессивного потенциала в обществе с тоталитарными и авторитарными политическими режимами, которых в XX веке было множество, а у России, как известно, есть свой яркий и печальный опыт. Так, К. Шлегель пишет следующее: «В обществе, где насилие практиковалось до сих пор незримо, оно переместилось на общественную сцену, что язык насилия, казалось, исчезнувший, снова в полный голос заявляет о себе. Тоталитарное государство казнит тайно, во тьме, уничтожает следы, скрывается от внимания общественности. В закрытых обществах кровь не течет на площадях. ...В открытом обществе конфликты, даже если они не могут быть разрешены иначе, чем вооруженным путем, происходят у публики на глазах, на телевизион-

ных экранах. С тех пор все изменилось: физическое насилие – именно это воспринимают западные средства массовой информации в первую очередь – стало явлением, к которому надо приспособливаться»². Тоталитарные и авторитарные режимы, несомненно, способствовали трансформации авторитаризма и агрессии в сторону нарастания их деструктивного потенциала. Достаточно вспомнить о типах отношений в странах с подобными режимами между государством и обществом, государством и человеком, человеком и человеком. Ясно, что «удельный» вес агрессии и авторитаризма в них достаточно велик. При этом, на наш взгляд, нельзя упускать другую сторону этого вопроса: почему стали возможны подобные политические режимы и что позволяло им существовать достаточно долго?

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос связан как с ситуацией политической трансформации во всем мире после I и II мировых войн, так и с тем, что подобные формы власти, как никакие другие, отражали и использовали авторитарно-агрессивный потенциал как на индивидуальном, так и общественном уровне. Индивидуальный уровень данных тенденций раскрывался в готовности и потребности во власти, агрессии и подчинении, общественный – в культурной легитимизации насилия со стороны государства. Именно этот потенциал в сочетании с историческими обстоятельствами и позволил существование тоталитарных и авторитарных режимов. Что же касается связи этого «темного прошлого» с сегодняшним днем, то она более существенна, чем кажется на первый взгляд. Дело в том, что данные политические режимы не только использовали индивидуальный и культурный потенциал авторитаризма и агрессии, но и мощно укоренили его в исторической памяти, общественном сознании, способствовали формированию определенного социально-антропологического типа «тоталитарный человек», представителями которого были не только Гитлер, Гиммлер, Сталин, но и масса рядовых граждан – функционеров тоталитаризма. Кроме того, тоталитарные и авторитарные режимы сделали все для сакрализации, эстетизации и аккумуляции насилия и авторитаризма. Влияние этого «исторического опыта» прослеживается в распростра-

нении национализма и неонацизма, его черты выражаются и в новых формах: экстремизме и терроризме. Этот факт подтверждает и Я.И. Гилинский: «Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и авторов «преступлений ненависти» (hate crimes). Не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах: в Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацисты), Японии (Японская революционная Красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем»³. Опыт участия практически всего населения мира в многочисленных войнах, милитаризация государств и экономик сформировали в общественном сознании упрощенное представление о насилии как наиболее простом и эффективном способе решения всех проблем, более того, все это способствовало актуализации архаических форм насилия: «Архаические формы насилия, такие как изнасилование, ослепление, расчленение, изгнание, погром, сожжение, кровная месть, опять актуализированы. ...Те, кто не участвуют в построении общества, а ищут козлов отпущения за «хаос». Только в такой среде возникают беспощадность, безоглядная решительность, «грандиозное упрощительство», которые требуются, чтобы сделать окончательный шаг к насилию. Если готовность к насилию становится сильнее, чем страх перед ним, общественной ситуации угрожает обвал»⁴.

Процесс формирования агрессивной направленности индивидуального и общественного сознания сильно коррелирует с постиндустриализмом как общественной формой и идеологической системой. Активное развитие индустриальной, а затем и постиндустриальной экономики привело к слиянию государства и корпораций, что усилило его тотальный контроль над обществом, более того, сильно повлияло на деформацию ценностной матрицы общественного сознания и становление «отчужденного человека».

² Шлегель К. Новый порядок и насилие. Размышления о метаморфозах насилия // Вопросы философии. 1995. №5. С. 12.

³ Гилинский Я. И. Современный терроризм: кто «виноват» и «что делать»? // Философские науки. М., 2005. №9. С. 21-22.

⁴ Шлегель К. Новый порядок и насилие. Размышления о метаморфозах насилия // Вопросы философии. 1995. №5. С. 13.

Таким образом, влияние политических и экономических факторов на феноменологию агрессии прослеживается весьма четко. Оно раскрывается еще в одном аспекте, а именно в глобальной дифференциации общества и обществ на «богатых» и «бедных».

Следует отметить, что подобная дифференциация была всегда, но, на наш взгляд, она была другого качества: во-первых, секуляризация сознания сняла не только религиозные обоснования неравенства, но и нивелировала силу религиозных норм, например таких, как «не завидуй», «не кради», «не убивай»; во-вторых, в условиях формирования у значительных масс людей трансграничной идентичности, утраты «корней», проживания в культурно-эkleктичной среде возник новый тип мировоззрения и адаптационных стратегий, далеко не исключающий проявления агрессии; и, в-третьих, справедливость требует заметить, что общество «не очень» стремится к культурной ассимиляции иммигрантов и создает им далеко не равные условия существования, а «подобная несправедливость» является дополнительным обоснованием для агрессивного поведения в отношении местных жителей.

Рост агрессивного потенциала на индивидуальном и общественном уровнях сознания, на наш взгляд, был бы невозможен без его сопряженности с социокультурной динамикой. Политические и экономические трансформации, способствующие формированию агрессивного потенциала в обществе, не только отражались в культуре, но и «черпались» из нее. Так К. Шлегель проводит весьма интересные параллели между аксиологизацией агрессии и кризисом буржуазной культуры начала XX века: «Миф насилия и его герой родились не в революции, но в войне, которая ей предшествовала. В «стальных грозах» Первой мировой войны и в «тотальной мобилизации» тоталитарных систем. Его образ был создан представителями довоенной европейской элиты. Воин — один из основных представителей «героического модерна». Тогда тоже был разрушен уклад, «вчерашний мир» (С. Цвейг). Война воспринималась и пропагандировалась не как гибельная авантюра и катастрофа, а как освобождение, проба мужественности, как демонстрация витальности против отживших форм буржуазного мира, в то время как социальные конфликты интерпре-

тировались в военных понятиях. ...Все жили ожиданием сверхчеловека, который разрушит мещанский уклад, ожиданием воителя»⁵. Подобная интерпретация агрессии и авторитаризма в культуре способствовала их легитимизации, более того, насилие оценивалось как способ существования, противопоставленный культуре буржуазной повседневности, как форма борьбы с ней. Ясно, что подобная аксиологизация агрессии способствовала формированию в индивидуальном и общественном сознании соответствующих идентификационных образцов и ценностных ориентаций.

Помимо противопоставления культуры насилия и культуры «повседневности» («обыденности», «буржуазности»), сверхценности первой и недооценки второй важным, на наш взгляд, социокультурным фактором становления агрессивных тенденций индивидуального и общественного сознания является нехватка сакрального, вызванная секуляризацией и рационализацией культуры. Потребность в сакральном, символическом, «магическом» всегда была значима для человека [8]. Мы полагаем, что в ее основе наряду со стремлением преодолеть собственную беспомощность перед жестокостью объективации лежит стремление человека противопоставить себя окружающему миру посредством его сакрального познания и овладения, это способ утвердить себя в качестве субъекта по отношению к миру-объекту, то есть способ подтверждения своего антропологического статуса как существа «духовного», причастного к некоему трансцендентному.

О роли универсализма потребления и рационализации культуры блестяще писал Ж. Бодрийяр. По его мнению, десимволизация культуры привела к утилитаризации бытия человека, редуцированию его экзистенции к витальному уровню. Утилитаризм распространяется даже на такие модусы экзистенции, как любовь, смерть. В современном обществе смерть рассматривается как «естественное прекращение жизни», наступающее вследствие «выработанности всех ресурсов», то есть как акт, лишенный всякого смысла, что способствует экзальтированному восприятию случайной смерти (суицид, несчастный случай, катастрофа), в современном сознании она сразу же погружается в символический контекст, особенно это относится к актам агрессии. Ж. Бодрийяр так интерпретирует захват заложников:

«политический ритуал первостепенной важности», в котором «воссоздается время жертвоприношения, ритуал казни, неминуемость коллективно ожидаемой смерти – совершенно незаслуженной, а значит, всецело искусственной и потому безупречно соответствующей жертвенному обряду. ...Мы все заложники – вот в чем секрет захвата заложников, и мы все мечтаем не просто тупо умереть от износа, а принять и подарить свою смерть»⁶. Подобное объяснение терроризма как наиболее опасной формы проявления агрессивных тенденций, кажется на первый взгляд сомнительным, но, мы полагаем, что оно позволяет в некоторой степени объяснить его масштабность в современном мире, во всяком случае, помимо политических и экономических причин раскрывает его культурно-мировоззренческие основания.

На наш взгляд, терроризм и рост агрессии в целом – это не только следствие политической, экономической и культурной конфликтности, сколько реакция определенных слоев общества на масштабную тотальность постиндустриализма во всех его формах: идеологической, политической и экономической, – выражающуюся в нивелировании любой субъективности: индивидуальной, этнической, культурной. Это протест против чуждой картины мира против

чуждых футурологических образов. Осознание манипуляционного потенциала и всей опасности «однообразного мира» приводит к формированию в общественном сознании представления о современном обществе как обществе спектакля, где каждый должен играть роли, распределенные без его участия [3]. Эта социокультурная ситуация во многом актуализирует агрессивный потенциал как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

Ясно, что в современном мире универсализации потребления, конформизма и постиндустриальных интеракций человек ощущает острую потребность «выделиться» из этого материального, рационального мира, как первобытный человек стремился выделиться из мира природы. Стремление современного человека доказать, что он субъект, а не объект, парализуется отсутствием в обществе мощных культурных механизмов сакрализации, что косвенно выражается в псевдорелигиозности, увлечениях паранормальными явлениями и техниками, а также в сакрализации агрессии, наполнении актов ее проявления значительной символической нагрузкой, что способствует ее укорененности в культуре и обществе, а следовательно, – в индивидуальном и общественном сознании.

⁵Шлегель К. Новый порядок и насилие. Размышления о метаморфозах насилия // Вопросы философии. 1995. №5. С. 14.

⁶Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 294.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 387 стр. – ISBN 5-7913-0047-6.
2. Гишинский, Я. И. Современный терроризм: кто «виноват» и «что делать»? [Текст] / Я. И. Гишинский // Философские науки. – М.: Высшая школа, 2005 – №9. – С. 21-22. – ISSN 0235-1188.
3. Дебор, Ги. Общество спектакля [Текст] / Ги. Дебор; пер. с фр. С. Офертас, М. Якубович. Послесловие А. Кефал. – М.: Изд-во «Логос», 2000. – 184 с. – ISBN 5-8163-008-3.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Э. Фромм; пер. с нем. Э. М. Телятникова. – М.: Попурри, 1999. – 624 с. – ISBN 5-237-04-523-5.
5. Фромм, Э. Психоанализ и религия [Текст] / Э. Фромм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1990. – С. 143–221. – ISBN 5-250-01275-2.
6. Шлегель, К. Новый порядок и насилие. Размышления о метаморфозах насилия [Текст] / К. Шлегель // Вопросы философии. – М.: Наука – 1995.– №5.– С. 12 – 19. – ISSN 0042-8744.
7. Jung, C. G. Psychologie und Religion [Den Text] / C. G. Jung. – Munchen: Gmb H&Co KC, 2001. – 228 s. – ISBN 3-310-20893-4.
8. Jung, C. G. Traumsymbole des Individuationsprozesses [Den Text] / C. G. Jung // Psychologie und Alchemie. – Olten und Freiburg im Breisgau: Walter – Verlags, 1990. – S. 59–264. – ISBN 3-530-40712-7.